

ЧТО ТАКОЕ НАРОД ДЛЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИЯН? (ЭТНИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОТОМКОВ ОТ СМЕШАННЫХ БРАКОВ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПАРАДИГМ ВЕКА СЕГО)¹

Лурье Светлана Владимировна,

доктор культурологии,

кандидат исторических наук,

ведущий научный сотрудник

Социологического института РАН – филиала ФНИЦЦ РАН,

Россия, 198005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25/14

ORCID: 0000-0003-1653-4720

svlourie@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена восприятию молодым поколением категорий национального, пониманию народа, патриотизма и связанных с ними ценностей в контексте всё более распространяющегося постмодернистского и трансгуманистического мировоззрения. Тема рассматривается на материале проведенного автором интервью среди студентов РГПУ им. Герцена (Санкт-Петербург). В качестве исходного пункта взята проблема этнической самоидентификации потомков от межэтнических браков с участием русских. Показано, что такая самоидентификация различается в зависимости от того, с точки зрения каких народов рассматривается явление «метисации». Выявлено культурное, а не генетическое основание русской самоидентификации среди современных студентов (что представляется традиционным для русского этноса), а также установлена большая роль конструктивистского фактора в этнической самоидентификации. Конструктивизм выражается в том, что, по мнению значительного числа опрошенных студентов, любой выходец из межэтнических семей может выбрать любую национальность, а необязательно национальность одного из родителей. Установлено, что в целом опрошенные студенты относят вопросы национального самоопределения к сфере свободного выбора человека. Для подтверждения этого

¹ Работа выполнена по государственному заданию (тема «Демографическое и социальное воспроизводство российской семьи и благополучие детей: публичное и частное измерения», номер государственной регистрации АААА-А17-117030110147-4).

проанализированы некоторые аспекты ценностной системы молодежи: характерный для сегодняшних молодых взгляд на национальное (в том числе и на межнациональные браки), патриотизм, будущее, образцы поведения, на которые следует ориентироваться. Выяснилось, что значительная часть опрошенных студентов склонна отдавать предпочтение глобалистским ценностям (отличным от традиционно западных) и придерживаться постхристианских образцов поведения. Категория «народ» теряет значение, а трансгуманистическое мировоззрение набирает влияние. Из восприятия молодежи начинает исчезать онтологизм, мир всё более превращается в «конструктор».

Ключевые слова: межэтнические браки, потомки от межэтнических браков, национальная идентичность, ценности, глобализм, постмодернизм, конструктивизм, трансгуманизм.

Библиографическое описание для цитирования:

Лурье С.В. Что такое народ для молодого поколения россиян? (Этническая самоидентификация потомков от смешанных браков в контексте мировоззренческих парадигм века сего). // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 2. – С. 281–297. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-281-297.

В статье «Межэтнические браки в контексте мировоззрения современной русской молодежи: ценности семейного и национального, частного и общественного», опубликованной в журнале «Идеи и Идеалы» в 2020 году [2], я, анализируя отношение к межнациональным бракам студентов СФУ (Красноярск), среди прочего пришла к выводу, может быть несколько эмоциональному, что современная молодежь не имеет понятия о народе и вообще о национальном, подобного тому, какое было у старших поколений. Да, вывод несколько обтекаемый и труднодоказуемый. Но в настоящей статье я поставила своей целью специально остановиться на восприятии молодым поколением категории национального². Как молодые воспринимают русский народ с этнической и культурной точек зрения? Кто может, по их мнению, идентифицировать себя в качестве русских? Как воспринимают себя потомки от смешанных браков, где один роди-

² Поскольку речь в нашей работе идет о тех, кому около 20 лет, т. е. кого называют поколением Z, чтобы вставить наше исследование в соответствующий контекст, сошлемся на некоторые работы на эту тему. В России тему поколения Z в основном разрабатывают Е. Шамис и Е. Никонов [7, 8]. Немало работ о ценностных установках молодежи, в частности, поколения Z, в современной англоязычной литературе. Тут мы выделим работу Б. Кормизера, С. Де Риддера и С. Ван Беувель о нравственных ценностях в молодежном сообществе [16], К. Дева о нравственных ценностях молодых и их динамике [12], Дж. Падилья, С.М. Макхейла, М. Дж. Ровайна об особенностях мировоззрения современных подростков [17]. Специально поколению Z посвящены монографии С. Симмелера и М. Грейс [18], Ч. Комби [11], Дж. Бристоу [9], Дж. Уайт [20], глава в монографии под редакцией Т. Найпира, принадлежащая Э. Коулу и Б. Маркуму [10], а также целый ряд статей, из которых мы выделим работы Дж. Хоупа [14], А. Долот [13], Э. Сингх и Дж. Дангмей [19], М. Иоргулеску [15].

тель русский? Ответы на эти вопросы я попыталась получить при помощи опроса студентов РГПУ им. Герцена³ (Санкт-Петербург).

Как правило, самоидентификацию человека с национальной точки зрения, более того – его чувства и размышления о национальном в себе, изучают те, кто исследует самоидентификацию потомков от межэтнических браков. Последних в социологии принято считать «этническими маргиналами». У них, как считается, с этничностью так или иначе не всё благополучно, и потому они ее осознают более отчетливо и порой болезненно. Но вот что интересно: люди со смешанной кровью ощущают и идентифицируют себя по-разному, в зависимости от того, какая кровь в них «намешана». Нет единого типа метиса, «полукровки». Напротив, каждый народ, представители которого чаще или реже вступают в национально-смешанные браки, задает совершенно разное видение этнической идентичности у своих «полукровок», и далеко не всегда это маргинальность. И прежде чем обратиться к национальному самоощущению русских, мы проанализируем, какие вообще бывают эти национальные самоощущения, на примере потомков разнонациональных родителей.

Для начала возьмем некое базово-обезличенное описание ощущения себя потомками от смешанных браков, сделанное еще около 30 лет назад Е.М. Галкиной. Она изучала полурусских-полуэстонских и полурусских-полуукраинских детей. Галкина выделяет четыре группы подростков-метисов по их самоидентификации. Во-первых, это биэтническая самоидентификация, когда подросток в практически равной степени идентифицирует себя с обеими родительскими этническими общностями. Во-вторых – моноэтническая, когда подросток-метис идентифицирует себя с национальностью только одного из родителей. В-третьих, безэтническая самоидентификация, когда подросток себя ни с каким этносом не соотносит, а идентифицирует себя как-то иначе – например, как «гражданин мира». Галкина упоминает и еще один возможный тип самоидентификации, когда потомки из национально-смешанных семей отождествляют себя с доминирующим в обществе этносом [1, с. 21, 22]. Кажется, классификация исчерпывающая. Но, исследуя потомков от других народов, другие исследователи дают совсем иные классификации, для разных народов – разные. Иногда они отличаются нюансами, но существенными. А иногда вообще не похожи на тот, казалось бы, базовый образец типологии самоидентификации метисов, который приводит Галкина.

³ Проводился опрос по методике полужакрытого интервью. Опрошено 185 респондентов в возрасте от 18 до 23 лет, 114 девушек и 71 юноша (перекося в выборке связан со спецификой педагогического вуза, где подавляющее большинство студентов – девушки).

Посмотрим на классификацию идентификации потомков от смешанных браков евреев, которую дает Е.Э. Носенко. Она вроде внешне похожа на ту, что у Галкиной, но суть другая. Отдельно выделяются еврейская и русская (нееврейская) самоидентификации. Выделяется «космополитическая» группа и группа с «расколотой» самоидентификацией. Первая – это те, кто **не хочет** причислять себя к какому-то отдельному народу, **не хочет** об этом думать; вторая – те, кто **не может** причислить себя к какому-то отдельному народу, хотя много об этом думает [4, с. 51, 52]. Отсутствует группа тех, кто идентифицирует себя с некоей третьей национальностью (хотя вполне себе можно представить ребенка еврея и, скажем, татарки, который может воспринимать себя как русского). Носенко эта группа с точки зрения видения мира еврейским этносом не важна – она сливается с «русской» группой. Отсутствует и группа тех, кто относит себя сразу к двум национальностям, например, к евреям и русским одновременно. Такие люди попадают в группу с «расколотым сознанием». Тут проявляет себя этническая специфика: важно лишь, что к евреям представители подобной группы полностью себя не относят, но и полностью от них не отрекается.

Совершенно иначе идентифицируют себя потомки от браков русских и татар. Т.А. Титова, изучая русско-татарские браки в Казани, разделяет их потомков на пять категорий, а именно на тех, кто считает себя 1) только русскими, 2) только татарами, 3) больше русскими, чем татарами, 4) больше татарами, чем русскими, 5) в равной степени русскими и татарами. Нет никакой космополитической, этнической или расколотой самоидентификации, есть скорее некоторая размытость ее, отражающая, по-видимому, специфику Казани. Такая же размытость самоидентификации может наблюдаться и у выходцев из моноэтнических семей. Так, нередко русские и татары из моноэтнических родительских семей считают себя полурусскими-полутатарами. Некоторые татары из чисто татарских семей считают себя больше русскими, чем татарами, и даже только русскими [5, с. 35, 36]. Титова отмечает и другие примеры сближения на бытовом уровне двух национальностей. Например то, что даже в критические 1990-е годы в русско-татарских семьях практически не было противоречий на политической почве. А что до самоидентификации детей из этих семей, то Титова вовсе не говорит о ее сложности или какой-либо драматичности: выбор между татарской и русской идентичностью у казанцев не сопряжен с внутренним конфликтом.

Посмотрим на самоидентификацию потомков от смешанных браков казахов. Сауле Уалиева и Эдриен Эдгар говорят о распространенности в этом случае интернациональной самоидентификации в духе советской «дружбы народов», а также о русской самоидентификации, которая встречается даже тогда, когда оба родителя нерусские. Не менее распространена

замена этнической самоидентификации на государственную, то есть определение себя в качестве казахстанцев. Но есть и такой тип самоидентификации, как шала-казах – «полуказах», «неполноценный казах» [6]. Слово имеет пренебрежительный оттенок, тем не менее его иногда относят и к себе, чаще как жалобу на несложившуюся судьбу. Кстати, такая идентификация метиса в качестве этнически неполноценного человека встречается у многих народов, которые были воспитаны на идее чистоты крови. Якуты говорят: «полуякут» – сахаляр, армяне – «перевернутый армянин», шуртэвацхай.

Я изучала потомков от смешанных браков российских корейцев, у них тоже есть особый термин, означающий «полукореец» – тягубя, однако он не имеет уничижительной коннотации и часто используется в качестве самоназвания. У тягубя практически не бывает полностью мононациональной самоидентификации: стать вполне корейцем с русским папой или русской мамой в России затруднительно, но и считать себя вполне русским не дает слишком характерная внешность. Поэтому так или иначе тягубя себя и определяет в качестве тягубя. Другое дело, что контекст при этом может быть минорный, когда тягубя видят себя «закомплексованным человеком с корейской внешностью», а может быть мажорный: «я – метис, и мы захватим этот мир», «совершенно непонятно, зачем нас так дефицитарно «полукровками» принято звать. Многокровки мы». Анализу идентичности тягубя посвящена моя статья [3], сейчас же я перехожу к анализу идентичности полурусских.

Собственно, я, ставя студентам вопросы о национальной идентичности, имела своей целью исследовать то, как смотрят на потомков смешанных браков русских сами русские, как они видят их место в русском народе, но невольно поставила вопрос так, что стала в какой-то мере ясна и самоидентификация выходцев из смешанных семей, в которой один из родителей русский. Объясню, как проводился мой опрос, касавшийся целого спектра тем, среди которых вопросы отношения к категории «национального» занимали немалое место. Меня интересовала именно русская молодежь, но обращаясь к студенческой аудитории, оговаривать, что я прошу заполнять анкеты только русских студентов, казалось мне не вполне тактичным. Поэтому я просто просила указать в «паспортичке» свою национальность, а потом (на определенном этапе своей работы) взяла в обработку только те анкеты, где студенты определили себя как русских. В анкете среди прочих был вопрос о том, как бы предположительно респондент определил свою национальность, если бы происходил из смешанной семьи. Среди вариантов ответов были и такие: «Мои родители действительно принадлежат к разным национальностям...» Такого типа ответы выбрали 18 % опрошенных. Из них треть (или 6 % от общего числа

опрошенных) однозначно определили себя в качестве русских, а две трети (12 % от общего числа) указали на сложность своей национальной самоидентификации. Но напомним, что все они в паспортике определили себя в качестве русских, хотя могли выбрать другую национальность или просто не указывать никакой.

Из тех, кто указал, что оба родителя у них русские, полагают, что в случае своего происхождения из смешанной семьи отнесли бы себя всё равно к русским 35 %; 14 % полагают, что считали бы себя русскими, даже если бы происходили из семьи, где оба родителя нерусские; 35 % полагают, что испытывали бы в этом случае сложности с самоидентификацией; 7 % могли бы идентифицировать себя и нерусскими, остальные 9 % считают национальность неважной категорией. То есть из опрошенных русских (у кого оба родителя русские), как они полагают, безоговорочно отнесли бы себя к русским в случае даже смешанного или нерусского происхождения 49 % (против 34 % безоговорочно отнесших себя к русским выходцев их национально-смешанных семей, где только один родитель русский). Получается, что почти половина русских считают, как показал этот вопрос, что для того чтобы считать себя русским, нет необходимости обязательно иметь русских родителей, один из них может быть и нерусским, а то и оба родителя.

Этот вопрос может показаться слишком мудреным, но он есть в контексте и других вопросов. Интересен он тем, что касался личности самого опрашиваемого, тогда как другие вопросы были более абстрактными. Например, вопрос об этнической самоидентификации «полукровок» ставился в более широком теоретическом плане: как дети от межэтнических браков определяют свою национальную принадлежность? Тут ответ, если так можно сказать, получился конструктивистским: треть опрошенных полагают, что дети от смешанных браков (и, вероятно, кто угодно) могут выбрать любую национальность, независимо от национальности родителей, а половина всех опрошенных считают, что дети от смешанных браков являются носителями одновременно двух национальностей, то есть в случае межэтнических браков русских дети будут одновременно и русскими, и носителями второй национальности. Только русскими их определили 6 % опрошенных и 5 % посчитали их либо «гражданами мира», либо людьми без национальности. (Ответы детей из смешанных семей тут ничем среди прочих не выделяются.)

Теперь подойдем с другой стороны: кто имеет право называться русским? Только 19 % опрошенных полагают, что русским может назвать себя только тот, кто имеет хотя бы одного русского родителя (вторым может быть кто угодно), и еще 3 % полагают, что речь может идти только о славянской крови, то есть чтобы быть русским, достаточно быть украин-

цем или белорусом; 22 % считают, что русские – это все те, кто ведет себя в соответствии с русскими обычаями, а большинство – 56 % опрошенных студентов – называют русскими всех тех, кто себя искренно к русским относят, даже независимо от присущих им обычаев. То есть по результатам этого вопроса 78 % опрошенных полагают, что русские – так или иначе культурная характеристика. Интересен высокий процент тех, кто основывается на самоприписывании. Я не проводила специального исследования, но интуитивно мне кажется, что это характерная особенность именно русских, по крайней мере среди народов постсоветского пространства. (А если вернуться к теме потомков от смешанных браков, участвовавших в опросе, то все они полагают, что основанием считать себя русским является ощущение себя таковым, то есть самоприписывание.)

Всего 14 % опрошенных полагают, что у русских чисто славянская генетика, еще 5 % допускают вкрапление татарской и финской крови, остальные так или иначе полагают, что для русских генетика не важна. Почти 70 % ставят на первое место культуру, представляя русских как культурное единство, а 12 % – жизнь на благо России вне зависимости от этнического происхождения. (Из потомков от смешанных браков опцию жизни на благо России как свидетельства русскости выбрала половина!)

Так ответы данного блока вопросов показывают, что лишь немногие из опрошенных студентов связывают национальность с этническими корнями. Тут мы видим скорее культуроцентрированную общность, но еще более сконструированную на основании самоприписывания и свободного выбора. У нас нет эмпирических данных о том, как обстояли дела, скажем, несколько лет назад, нарастают ли эти процессы, но мы полагаем, что тут имеет место рост конструктивистской парадигмы в современном менталитете. И вот если мы обратимся к типологии этнической самоидентификации потомков от межэтнических браков русских в современном большом по преимуществу русском городе, то увидим такие позиции: биэтническую (обе национальности родителей), моноэтническую (русскую) и произвольно-этническую, сконструированную, выбранную в зависимости от ситуации и настроения. Вряд ли тут стоит говорить о манипулятивной этничности – здесь дело не столько в конкретной пользе (полагаю, в русском городе наиболее «выгодной» является русская самоидентификация), а в самой возможности поиграть в самоидентификацию. Не случайно в минувшей переписи у нас в стране выявлены такие «народы», как эльфы, орки и гоблины.

Вопрос тут не вполне однозначный. В прошлом я в разных аудиториях задавала вопрос, кто может считаться русским, и нередко складывался консенсус как раз вокруг позиции «русский – каждый, кто искренне таковым себя считает». Эти мини-опросы, конечно, не претендуют на репрезентативность, но меня они заставляли склоняться к мысли, что в этом осо-

бенность самоидентификации большого великого народа, который охотно ассимилирует, включая в свое число всех, кто этому не сопротивляется. Это нормальный механизм расширения имперского народа, где этничность имеет меньшее значение, чем имперскость. Но в случае данных нашего опроса они, возможно, показывают и другое. И наталкивает меня на эту мысль как раз то, что значительная часть опрошенных студентов предполагает возможность для потомков от межэтнических браков принять любую национальность (мысля «по-старинке», я просто не догадалась задать аналогичный вопрос касательно детей от русских однонациональных браков, могут ли и они приписать себя к любой национальности). Это другое касается современных парадигм мышления, связанных с постмодернизмом и, возможно, трансгуманизмом.

В пользу такого толкования говорят ответы на вопросы, касающиеся ценностей и образцов поведения. В целом очень немногие из опрошенных придерживаются принципиально антипатриотического мировоззрения – таковых (с разной мотивацией) около 11 %. Еще 17 % заявляют себя непатриотами в связи с несогласием с действующими властями, что тоже тревожно, поскольку оппозиционно настроенному молодому человеку естественно выбрать вот такую опцию: «свою страну надо любить, но и видеть все ее недостатки без прикрас. Поэтому ее можно ругать и критиковать без жалости для того, чтобы она стала лучше» – так и ответили 44 % опрошенных. То, что любовь к своей стране священна, считают всего 28 % опрошенных. Тем не менее так или иначе патриотами являются 72 % опрошенных молодых людей. Но вот при этом только 42 % полагают, что Россия должна ориентироваться на саму себя, относительно немногие ориентированы на Запад – 11 %, еще 11 % – одновременно на Запад и Восток. Пусть так, это всегда было характерно для России. Но 36 % заявляют об ориентации на глобалистские (отличные от просто западных) ценности.

Также 36 % выбрали ценности толерантности и уважения прав меньшинств против 33 % ориентированных на традиционные ценности. И еще 12 % выбрали так называемые постхристианские ценности; 14 % опрошенных заявили, что какие-либо ценности вообще не следует принимать всерьез, они устарели, 5 % выбрали другие ответы. Из опрошенных полагают, что люди станут в скором времени бессмертными, – 20 %, в то время как целых 27 % опрошенных уверены, что нас ждет катастрофа. И хотя остальные ответы разместились вокруг более или менее традиционных позиций (34 % ожидают дальнейшего технического прогресса при сохранении извечной сущности людей, а 12 % – технического регресса, но при усилении гуманитарной составляющей, 6 % затруднилось ответить), даже 20 % верящих в глобалистские мифы – очень значительная цифра,

показывающая, что немалая часть молодежи имеет специфически трансгуманистский образ мышления.

Очевидно, что происходят и другие ценностные трансформации. Остаются лишь какие-то последние рубежи. Как мы видим, остается относительно высокий уровень патриотизма. Ранее мы на основе опроса, проведенного среди студентов в Красноярске, показали сохранение высокой ценности семьи, и в частности родительской семьи [2]. Но вот ощущение народного и национального исчезает. Только 56 % опрошенных говорят о том, что у них есть национальные чувства, соответственно 44 % таковые в себе отрицают. Более впечатляет еще и то, что у 30 % (почти трети!) нет ни национальных чувств, ни даже регионального патриотизма: 21 % считают себя гражданами мира, а 9 % просто обходятся без чувства причастности к какому-либо народу.

В последние годы в России привыкли считать толерантность положительной ценностью, но она в мировоззрении молодежи выливается порой в крайний мультикультурализм, когда 39 % опрошенных студентов считают нормальным, если ценности народов России будут принципиально отличаться от ценностей, характерных для русских (хотя сейчас о таковых ценностях можно говорить только очень условно), и друг от друга (о возможности непринципиальных, относящихся к внутреннему быту народов отличиях говорят всего 23 %). Об общечеловеческой этической системе говорят 30 % (не будем на этом пункте останавливаться, так как под таковой можно понимать очень разные вещи – этот пункт в нашей анкете не расшифровывается, но я предполагаю, что многие из ответивших таким образом имели в виду глобалистские ценности. И совсем мизер (8 %) посчитали, что желательно, чтобы у народов России были общие ценности с русскими. Я понимаю, что «русские ценности» в данном контексте – понятие туманное (уже нет никаких общерусских ценностей), и кому-то оно может показаться неоднозначным, но я хочу обратить внимание, сколь ничтожно представление о моральном лидерстве русского народа в России. Полагаю, это потому, что у русских всё меньше остается самосознания как у народа, этнической общности.

Тут характерно и то, что хотя 86 % опрошенных считают российский народ реально существующей общностью и 52 % полагают, что он будет становиться всё более единым (лишь 14 % считают его фикцией), при этом лишь 23 % считают его союзом народов, а 63 % – совокупностью индивидов, просто людей вне зависимости от их национальности. И лишь 10 % видят какую-то особую роль русского народа в России.

И вот теперь в этом контексте снова взглянем на этническую самоидентификацию русской молодежи вообще и тех из них, кто рожден в национально-смешанных браках в частности. Но прежде вернемся к теме отно-

шения молодежи к межэтническим бракам, которую мы ранее рассматривали на примере красноярских студентов. Посмотрим, в чем тут сходство и отличие красноярских и петербургских студентов.

Сравнение результатов двух опросов показывает, что в ключевых вопросах разница остается в пределах статистической погрешности. Так, положительное отношение к межэтническим бракам в Санкт-Петербурге выразили 83 %, а в Красноярске – 85 %, терпимое отношение соответственно 15 % и 14 %. Цифры очень высокие, но лидерства Петербурга тут нет. С допустимостью браков с представителями любых национальностей, если между ними есть любовь, согласились 91 % в Петербурге и 89 % в Красноярске. Недопустимость межрасовых браков признали соответственно 7 % и 6 %, а православно-мусульманских браков – соответственно 3 % и 4 %. Тут уровень толерантности в Петербурге чуть выше. Близки и представления о том, какие проблемы несут с собою межэтнические браки. Ухудшение демографии в связи с межэтническими браками ожидают по 3 % в Петербурге и в Красноярске, о генофонде русского народа беспокоятся 5 % в Петербурге и 11 % в Красноярске. Опасность того, что русские дети будут воспитываться в чужих традициях, видят 17 % в Петербурге и 19 % в Красноярске, а того, что русские дети станут мусульманами в Петербурге, из опрошенных не боится никто, а в Красноярске боятся 4 %. Не видят никаких серьезных проблем от распространения национально-смешанных браков 73 % в Петербурге и 64 % в Красноярске. Так, Красноярск несколько отстает в толерантности, но незначительно. Правда, это умозрительно. Когда же возможность вступления в межэтнический брак примеряется к себе, различия между двумя городами уже более заметны. Так, личную готовность вступить в национально-смешанный брак с представителем любой (!) национальности в Петербурге выразили 83 % опрошенных, а в Красноярске – всего 52 %, причем не допускают своего брака с мусульманами 9 % в Петербурге и 22 % в Красноярске (тут уже заметно, что Красноярск более консервативен, традиционен). Не готовы к межэтническим бракам 9 % и 11 % опрошенных в Петербурге и Красноярске соответственно. То, что общество относится положительно или индифферентно к межэтническим бракам, считают 60 % опрошенных в Петербурге и 49 % в Красноярске, видимо, за счет того, что в Красноярске больше тех, кто полагает, что общество не одобряет браки русских с представителями народов Средней Азии и Кавказа: 33 % против 25 % в Петербурге.

В обоих городах степень толерантности к межэтническим бракам очень высока, но, конечно, в Петербурге она выше. К сожалению, в опрос, проводившийся в Красноярске, не были включены вопросы о национальной самоидентификации русских, и тут мы не можем сравнить показатели по двум городам.

Но всё, о чем мы говорили, показывает в глазах опрошенных невысокую ценность русского народа, народа как такового в целом. Поэтому легко объясним и «конструктивистский» подход в определении национальной идентичности. Молодые просто не чувствуют той сущности, которая за понятием народа стоит. И это вполне понятно в контексте глобализма, где такая категория, как народ, обречена на отмирание (равно как и семья). Мы останавливались уже на проблеме семьи и показали, что растворение ее сущности происходит иначе, через смешение гендерных ролей и стимулирование положительного отношения к так называемому «нетрадиционному браку». Но остается вполне приемлемой зависимость младшего поколения от старшего, нет еще понятия о родительской семье как об орудии угнетения, которое распространяется в западном мире.

Национальное и патриотическое деконструируется быстрее. Хотя всего 6 % считают, что распад России желателен (но и это очень много!), более или менее легко могут представить себе такой финал еще 52 % (!) опрошенных. И только для 9 % такое развитие событий неприемлемо.

«Конструктивизм» затрагивает не только национальную идентичность, он ведущая парадигма мышления постмодернистского общества. Он еще не проник во все поры, но разъедает выборочно те из них, которые наиболее слабы.

Если брать национальную парадигму, то при всем традиционно огромном значении для русских понятия народа именно понятие «народ» становится легкой добычей глобализации. Понятие народа, оказываясь, как в случае с русскими, понятием не столько национальным, сколько имперским (то есть, как я говорила выше, настроенным на вбирание в себя других народов, с принципиально нечеткими границами), вне имперской парадигмы при высокой ценности мультикультурализма (которую у российских студентов я постаралась показать), в условиях идейной и ментальной нестабильности современного мира (при навязывании конструктивистской парадигмы идеологами трангуманистического мира), размывается. Принципы русской самоидентификации – неформальные и схватываемые почти только интуитивно даже предшествующими поколениями – у молодого поколения в большом русском городе «стусеиваются».

Основной посыл, который стоит за национальной самоидентификацией, как она предстает при анализе результатов моего опроса, в том, что она, прежде всего, объект личного выбора, но выбора такого, который почти не предопределен объективным онтологическим содержанием. Объективности нет, но есть конструкт. Так и видят мир в постмодернистской парадигме.

Но вернемся к той теме, с которой начали: что служит основанием национальной самоидентификации, в том числе у метисов? Еще раз пробле-

жимся по приведенным в начале статьи примерам их типологий. Что они добавляют нам для самоидентификации русских?

Анализируя самоидентификацию потомков от межэтнических браков у разных народов и в разных городах, мы получаем информацию о ментальном плане народов в целом или особенностях локальной культуры городов, где эти браки заключаются. Так, анализируя самосознание потомков от русско-татарских браков в Казани, о чем пишет Т.А. Титова, мы видим разнообразие их этнической самоидентификации, но вместе с тем и ее естественность, свидетельствующую о высокой степени комплементарности русских и татар. Тут нет места произвольно-искусственному конструкту. Выбор есть, но это выбор из объективно существующих альтернатив.

Гораздо более напряженный и уже порой конструктивистский выбор в том, что касается потомков от межэтнических браков евреев. Сама книга Е.Э. Носенко написана с конструктивистской целью, а именно с целью проанализировать перспективы пополнения еврейского этноса за счет «полукровок». И та самоидентификация, которая у Носенко выступает как еврейская, по большей части результат деятельности «еврейских организаций», то есть сознательного конструирования этничности. Отсюда и несколько надрывное русско-еврейское расколотое сознание – это результат не вполне успешного конструирования.

Безальтернативной представляется этническая идентичность тягубя. Как бы они себя ни ставили, какую бы идентичность сознательно ни желали выбрать – им не уйти далеко ни от одного из своих корней. Нередки случаи, когда дети-тягубя, воспитанные русскими матерями и не знавшие своих отцов-корейцев, с возрастом начинают всё более осознавать себя именно как тягубя под влиянием своей корейской внешности. Выбор остается один: каждый волен принять свою ситуацию по-своему, со знаком плюс или со знаком минус. Но мы встречаем конструирование (причем стихийное) самого явления метисизации, метисов как людей будущего.

Потомки от смешанных браков с участием казахов демонстрируют альтернативу, типичную для народов, ценящих «чистоту крови». А эта альтернатива сегодня представляется немного архаичной, если позволить себе говорить о модерне как о некоей уже арханке. Полуказах либо вынужден идентифицировать себя как неполноценного казаха, либо обращаться в своей идентификации в прошлое, когда межэтнические браки существовали в контексте идеологии «дружбы народов». Отсюда у ряда постсоветских народов, подобных казахам, много разговоров о потерянности для народа потомков от национально-смешанных браков, некоей их межумочности, когда, дескать, представители ни одного народа не признают их своими.

Русские в последние почти сто лет активно вступали в межэтнические браки не переживая, как этнически определяют себя их дети. В любом случае дети должны были как бы естественно оставаться в рамках русской культуры и русской системы ценностей, то есть пополнить собой то, что в последнее время называют «русским миром». Сегодня всё это уже не так очевидно. Культура, как показывает, в частности, и мой опрос, смещается к глобалистским образцам, становится всё более трансгуманистической и антитрадиционной. И бывшие когда-то традиционными альтернативы выбора этнической идентичности потомков от национально-смешанных браков русских (условно предположим, что именно их и отразила в своей работе начала 1990-х, к которой мы выше обращались, Е.М. Галкина) сегодня замещаются постмодернистскими конструктами, которые всё более впитывает наше молодое поколение.

Так, мы можем посмотреть на проблемы этнической самоидентификации как на симптом, который выражает состояние молодых русских как значимой части народа. Оно очень тревожно. Я не говорю, что это наше будущее. Представители молодого поколения, а я напому, что моим респондентам 18–23 года, ко времени своей зрелости многое переосмыслят, наберутся опыта и помудреют. Тем не менее многие трансгуманистические понятия постепенно входят в нашу жизнь, ее плоть и кровь. И не исключено, что такое понятие, как «народ», иные понятия, всегда онтологически значимые для русских, будут вытесняться, отходить на задний план, размываться и, повторюсь, заменяться конструктами, миражами.

Литература

1. Галкина Е.М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей (по материалам этносоциологического исследования в г. Москве): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Рос. акад. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М., 1993. – 26 с.
2. Лурье С.В. Межэтнические браки в контексте мировоззрения современной русской молодежи: ценности семейного и национального, приватного и общественного // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 1, ч. 2. – С. 275–294.
3. Лурье С.В. «Многокровки»: особенности формирования идентичности «тягубя» – потомков межэтнических браков российских корейцев // Петербургская социология сегодня. – 2020. – № 13–14. – С. 61–85.
4. Носенко Е.Э. Быть или чувствовать? (Основные аспекты формирования еврейской идентичности у потомков смешанных браков в современной России). – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. – 400 с.
5. Титова Т.А. Этническое самосознание в национально-смешанных семьях. – Казань: Форт-Диалог, 1999. – 164 с.

6. Уалиева С., Эдгар Э. Межэтнические браки, смешанное происхождение и «дружба народов» в советском и постсоветском Казахстане // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2011. – № 6. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/u18.html> (дата обращения: 08.09.2021).
7. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений: стратегия беби-бумеров. – М.: Синергия, 2017. – 256 с.
8. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс. – М.: Синергия, 2016. – 140 с.
9. Bristow J. The Sociology of Generations: New Directions and Challenges. – London: Springer, 2016. – 125 p.
10. Cole A., Marcum B. Generation Z: Facts and Fictions // Not Just Where To Click: Teaching Students How To Think About Information / T. Napier (Ed.). – Chicago, IL: American Libraries Association, 2015. – P. 107–137.
11. Combi Ch. Generation Z. Their Voices, Their Lives. – Hutchinson; London: Penguin Random House, UK, 2015. – 320 p.
12. Dev K. Youth and moral values in a changing society // International Journal of Advanced Research and Development. – 2017. – Vol. 2, iss. 4. – P. 164–167.
13. Dolot A. The characteristics of Generation Z // E-mentor. – 2018, N 2. – P. 44–50. – DOI: 10.15219/em74.1351.
14. Hope J. Prepare your campus for Generation Z // Student Affairs Today. – 2016. – Vol. 19, iss. 7. – P. 1–7.
15. Iorgulescu M.C. Generation Z and his Perception of Work // Intercultural Management Journal. – 2016. – Iss. 1. – P. 47–54.
16. Korkmazoglu B., Ridder S. De, Baumel S. Van. Youth, Moral Values and Digital Media: Methodological Challenges // ECQI Conference 2018. – Leuven, 2018.
17. Parent–Youth Differences in Familism Values from Adolescence into Young Adulthood: Developmental Course and Links with Parent–Youth Conflict / J. Padilla, S.M. McHale, M.J. Rovine, K.A. Updegraff, A.J. Umaña-Taylor // Journal of Youth and Adolescence. – 2016. – Vol. 45, iss. 12. – P. 2417–2430.
18. Seemiller C, Grace M. Generation Z Goes to College. – San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2016. – 286 p.
19. Singh A.P., Dangmei J. Understanding the Generation Z: the Future Workforce // South-Asian Journal of Multidisciplinary Studies (SAJMS). – 2016. – Vol. 3, iss. 3. – P. 45–51.
20. White J.E. Meet generation Z: Understanding and reaching the new post-Christian world. – Grand Rapids, Mich.: Baker Books, 2018. – 33 p.

Статья поступила в редакцию 30.01.2021.

Статья прошла рецензирование 15.03.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-281-297

**WHAT IS A NATION
FOR THE NEW GENERATION OF RUSSIANS?
(ETHNIC SELF-IDENTIFICATION
OF DESCENDANTS OF MIXED MARRIAGES
IN THE CONTEXT OF THE WORLDVIEW
PARADIGMS OF OUR CENTURY)**

Lourie Svetlana,

Dr. of Sc. (Culturology), Cand. of Sc. (History),

Leading Researcher, Sociological Institute of the Federal Center

of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,

25/14, 7th Krasnoarmeyskaya Street, St. Petersburg, 198005, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-1653-4720

svlourie@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the perception and understanding of the categories of the national, nation, patriotism and related values by the young generation in the context of an increasingly spreading postmodern and transhumanist worldview. The topic is considered on the example of an interview conducted by the author among students of the Russian State Pedagogical University named after Herzen (St. Petersburg).

The problem of ethnic self-identification of descendants from interethnic marriages is taken as a starting point. It is shown that it differs depending on whose point of view the phenomenon of “metisization” is considered. It was revealed to be the cultural, rather than genetic, basis of Russian self-identification among modern students (which seems to be traditional for the Russian ethnos), as well as the large role of the constructivist factor in ethnic self-identification. Constructivism is expressed in the fact that, in the opinion of a significant number of interviewed students, any descendant from interethnic families can choose any nationality, and not necessarily the nationality of one of the parents. In general, it is the students’ view that questions of national self-determination relate to the sphere of a person’s free choice.

To confirm the latter, some aspects of the youth value system were analyzed, such as the patriotism characteristic for today’s youth, nationality (including inter-ethnic marriages), the future and behavior patterns that one should be guided by. A significant part of the students surveyed tend to give preference to globalist values (different from traditionally Western ones) and adhere to post-Christian patterns of behavior. The category of a nation is losing its meaning, and the transhumanistic worldview is apparently gaining influence among the surveyed students. Ontologism begins to disappear from the perception of young people; the world for them is increasingly turning into a “constructor”.

Keywords: interethnic marriages, descendants of interethnic marriages, national identity, values, globalism, postmodernism, constructivism, transhumanism.

Bibliographic description for citation:

Lourie S. What is a Nation for the New Generation of Russians? (Ethnic Self-Identification of Descendants of Mixed Marriages in the Context of the Worldview Paradigms of Our Century). *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 2, pp. 281–297. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-281-297.

References

1. Galkina E.M. *Etnicheskaya identichnost' podrostkov iz natsional'no-smeshannykh semei (po materialam etnosotsiologicheskogo issledovaniya v g. Moskve)*. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Ethnic identity of adolescents from nationally mixed families (based on the materials of an ethnosociological study in Moscow). Author's abstract of PhD in History]. Moscow, 1993. 26 p.
2. Lourie S.V. Mezhetnicheskie braki v kontekste mirovozzreniya sovremennoi russkoi molodezhi: tsennosti semeinogo i natsional'nogo, privatnogo i obshchestvennogo [Interethnic Marriages in the Context of the World view of Modern Russian Youth: Family and Nation Values, Private and Public Life]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 1, pt. 2, pp. 275–294.
3. Lourie S.V. “Mnogokrovki”: osobennosti formirovaniya identichnosti «tyagubya» – potomkov mezhetnicheskikh brakov rossiiskikh koreitsev [“Multibloods”: a feature of the formation ethnic identity “tyagubya” – descendants from inter-ethnic marriages of Russian Koreans]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya = St. Petersburg Sociology Today*, 2020, no. 13–14, pp. 61–85.
4. Nosenko E.E. *Byt' ili chuvstvovat'? (Osnovnye aspekty formirovaniya evreiskoi identichnosti u potomkov smeshannykh brakov v sovremennoi Rossii)* [To be or to feel? (The main aspects of the formation of Jewish identity among the descendants of mixed marriages in contemporary Russia)]. Moscow, Kraft+ Publ., 2004. 400 p.
5. Titova T.A. *Etnicheskoe samosoznanie v natsional'no-smeshannykh sem'yakh* [Ethnic identity in nationally mixed families]. Kazan', Fort-Dialog Publ., 1999. 164 p.
6. Ualieva S., Edgar E. Mezhetnicheskie braki, smeshannoe proiskhozhdenie i “druzhba narodov” v sovetskom i postsovetskom Kazakhstane [Interethnic marriages, mixed origins and “peoples friendship” in Soviet and post-Soviet Kazakhstan]. *Ne-prikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kulture = Debates on politics and culture*, 2011, no. 6. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/u18.html> (accessed 08.09.2021).
7. Shamis E., Nikonov E. *Teoriya pokolenii: strategiya bebi-bumerov* [The Theory of generations: Strategy of baby boomers]. Moscow, Sinergiya Publ., 2017. 256 p.
8. Shamis E., Nikonov E. *Teoriya pokolenii. Neobyknovennyi Iks* [The theory of generations. Extraordinary X]. Moscow, Sinergiya Publ., 2016. 140 p.
9. Bristow J. *The Sociology of Generations: New Directions and Challenges*. London, Springer, 2016. 125 p.

10. Cole A., Marcum B. Generation Z: Facts and Fictions. *Not Just Where To Click: Teaching Students How To Think About Information*. Ed. by T. Napier. Chicago, IL, American Libraries Association, 2015, pp. 107–137.
11. Combi Ch. *Generation Z. Their Voices, Their Lives*. Hutchinson, London, Penguin Random House, UK, 2015. 320 p.
12. Dev K. Youth and moral values in a changing society. *International Journal of Advanced Research and Development*, 2017, vol. 2, iss. 4, pp. 164–167.
13. Dolot A. The characteristics of Generation Z. *E-mentor*, 2018, no. 2, pp. 44–50. DOI: 10.15219/em74.1351.
14. Hope J. Prepare your campus for Generation Z. *Student Affairs Today*, 2016, vol. 19, iss. 7, pp. 1–7.
15. Iorgulescu M.C. Generation Z and his Perception of Work. *Intercultural Management Journal*, 2016, iss. 1, pp. 47–54.
16. Korkmazer B., Ridder S. De, Bauwel S. Van. Youth, Moral Values and Digital Media: Methodological Challenges. *ECQI Conference 2018*, Leuven, 2018.
17. Padilla J., McHale S.M., Rovine M.J., Updegraff K.A., Umaña-Taylor A.J. Parent–Youth Differences in Familism Values from Adolescence into Young Adulthood: Developmental Course and Links with Parent–Youth Conflict. *Journal of Youth and Adolescence*, 2016, vol. 45, iss. 12, pp. 2417–2430.
18. Seemiller C., Grace M. *Generation Z Goes to College*. San Francisco, CA, Jossey-Bass, 2016. 286 p.
19. Singh A.P., Dangmei J. Understanding the Generation Z: the Future Workforce. *South-Asian Journal of Multidisciplinary Studies (SAJMS)*, 2016, vol. 3, iss. 3, pp. 45–51.
20. White J.E. *Meet generation Z: Understanding and reaching the new post-Christian world*. Grand Rapids, Mich., Baker Books, 2018. 33 p.

The article was received on 30.01.2021.

The article was reviewed on 15.03.2021.